

Памяти Николая Михайловича Пржевальскаго.

(По случаю 25-лѣтія со дня смерти).

Н. М. Пржевальскій былъ первымъ отважнымъ путешественникомъ, которому удалось избородить своими смѣлыми маршрутами всю внутреннюю часть Азіатскаго материка. По отношенію къ своей научной подготовкѣ онъ не уступалъ самымъ лучшимъ современнымъ африканскимъ путешественникамъ. Офицеръ генеральнаго штаба, бывшій преподаватель географіи и прекрасный натуралистъ, онъ совмѣщалъ въ себѣ познанія въ математической и физической географіи съ познаніями въ зоологіи и ботаникѣ и съ замѣчательной наблюдательностью и талантливостью. Рѣдкія же личныя его качества какъ путешественника—беззавѣтная отвага, предприимчивость, выносливость и, наконецъ, энергическая сила воли, подчиняющая своему вліянію все его окружающее, давали орлиный полетъ всѣмъ его предпріятіямъ и внушали къ нему безграничное довѣріе насъ —его спутниковъ...

Въ теченіе болѣе нежели двадцатилѣтняго періода—съ 1867—1888 гг. Пржевальскій провелъ въ путешествіяхъ въ сложности около десяти лѣтъ. Маршруты имъ пройденные и снятые въ предѣлахъ застѣннаго Китая составляютъ свыше тридцати тысячъ верстъ, образуя цѣлую сѣть глазомѣрныхъ съемокъ, опирающихся на 63 имъ же опредѣленныхъ пунктахъ, не говоря уже о громадномъ числѣ гипсометрическихъ измѣреній. Понятно, какой драгоцѣнный матеріалъ для картографіи и орографіи Азіи дали экспедиціи Пржевальскаго. Если же принять въ соображеніе, что Н. М. Пржевальскій путешествовалъ и по непомѣрно высокимъ центрально-азіатскимъ нагорьямъ и по песчанымъ пустынямъ во всѣ времена года и вездѣ производилъ метеорологическія наблюденія и записи, то понятно также, какіе цѣнные матеріалы для метеорологіи дали его путешествія...

Но самыя крупныя заслуги Пржевальскаго относятся къ изученію органической жизни Центральной Азіи. По отношенію къ ея растительному покрову неутомимый изслѣдователь собралъ всѣ типическіе образцы его: и въ роскошныхъ и теплыхъ Ганьсуйскихъ долинахъ, и на сырыхъ подсыжныхъ лугахъ тангутскихъ альповъ, и въ раскаленныхъ песчаныхъ пустыняхъ Алашаня и Лобъ-нора, и въ безводныхъ и безжизненныхъ холодныхъ пустыняхъ высокаго Тибетскаго нагорья... По отношенію къ подводному царству животныхъ Пржевальскій ознакомилъ насъ и съ разнообразными насѣкомыми, то гнѣздящимися въ дикихъ горныхъ ущельяхъ на верховьяхъ Голубой рѣки, то зарывающимися въ подводныхъ пескахъ раскаленной пустыни, то собирающимися массами около быстро испаряющихся водъ и по мѣрѣ ихъ высыханія перелетающими цѣлыми тучами на еще уцѣлѣвшія воды пустыни; и съ рыбами, живущими въ замкнутыхъ и неимѣющихъ стока озерныхъ бассейнахъ, и съ гадами, вообще довольно рѣдкими во внутренности Азіатскаго материка, и съ птицами, то гнѣздящимися подобно фазанамъ на берегахъ рѣкъ, то перелетающими черезъ весь Азіатскій материкъ отъ Индѣйскаго юга къ Сибирскому сѣверу, и съ крупными звѣрями, пасущимися въ своемъ первобытномъ полурайскомъ состояніи на роскошныхъ, но безлюдныхъ пастбищахъ Тибетскаго нагорья, при чемъ Пржевальскому удалось добыть впервые экземпляры описаннаго Маркомъ Поло горнаго барана (*Ovis Polii*) и первобытныхъ праотцовъ нынѣ самыхъ полевныхъ домашнихъ животныхъ, а именно дикаго верблюда и дикую лошадь, названную въ честь славнаго путешественника *Equus Przewalskii*. Словомъ весь этотъ растительный и животный міръ былъ, можно сказать, новооткрытымъ для науки, и справедливо оцѣнила Академія Наукъ заслуги Н. М. Пржевальскаго, когда она на оборотѣ золотой медали, выбитой ею въ честь знаменитаго путешественника, изобразила слова: „Первому изслѣдователю природы Центральной Азіи“...

Знаменитый геологъ и путешественникъ по Китаю, предсѣдатель Берлинскаго Географическаго Общества, баронъ Рихтгофенъ, по рецензіи котораго состоялось въ пользу Пржевальскаго присужденіе Большой Гумбольтовской медали, первое по ея учрежденію, свидѣтельствуеть, что ни одинъ отдѣльный путешественникъ не расширилъ нашихъ познаній о Центральной Азіи въ такой мѣрѣ, какъ Пржевальскій, притомъ въ двухъ мѣстахъ своей рецензіи признаеть его гениальнымъ путеше-

ственникомъ, обладающимъ необыкновенной наблюдательностью. Говоря объ одномъ изъ этнографическихъ очерковъ Пржевальскаго, Рихтгофенъ признаетъ очеркъ этотъ одною изъ самыхъ интересныхъ и привлекательныхъ этнографическихъ картинъ, какія только встрѣчаются въ современныхъ путешествіяхъ... Въ частности говоря объ Алтынъ-тагъ, Рихтгофенъ считаетъ научное открытіе Пржевальскимъ этого хребта поразительнымъ географическимъ открытіемъ, имѣющимъ одинаково важное значеніе, какъ для географіи, такъ и для уравниванія среднеазиатскихъ народныхъ отношеній.

Президентъ Лондонскаго Географическаго Общества, при присужденіи Пржевальскому еще въ 1879 году высшей награды, находящейся въ распоряженіи Общества, высказалъ мнѣніе, что путешествіе Пржевальскаго по странѣ тангутовъ и сѣверному Тибету превосходить все то, что было обнародовано со временъ Марко-Поло, и ставитъ одинаково высоко заслуги Пржевальскаго, какъ географа и какъ натуралиста; при этомъ г-нъ Алькокъ очень удачно догадывается, что побудила Пржевальскаго предпринять свои отчаянные и опасныя путешествія его энтузіастическая любовь къ природѣ. Но если это такъ, прибавляетъ президентъ Лондонскаго Географическаго Общества, то тѣмъ болѣе чести Пржевальскому за то, что ему удалось привить къ своей страсти всѣ достоинства ученаго географа и самаго счастливаго и отважнаго изслѣдователя неизвѣстныхъ странъ.

Президентъ Шведскаго Географическаго Общества, которое въ присутствіи своего просвѣщеннаго и любящаго географическую науку государя, присудило Пржевальскому свою высшую награду, медаль Вегги, послѣ того, какъ та же награда присуждена была знаменитымъ шведскимъ путешественникамъ — Норденшельду и Паландеру, и не менѣе знаменитому изслѣдователю внутренней Африки—Стэнли, поставилъ эти четыре имени въ первомъ ряду современныхъ путешественниковъ и выразилъ при этомъ свое глубокое сочувствіе къ тому правительству, которое такъ великодушно содѣйствовало снаряженію его экспедиціи и съ такою честью представляетъ свою страну въ географической наукѣ.

„Отрадное чувство встаетъ въ душѣ при мысли, говоритъ нашъ соотечественникъ академикъ-ботаникъ К. И. Максимовичъ, что въ продолженіе тридцати съ небольшимъ лѣтъ наука обязана Россіи научнымъ приобрѣтеніемъ такихъ обширныхъ странъ, какъ Амурскій и Уссурийскій край, Сахалинъ, Туркестанъ, Монголія и сѣверный Тибетъ. Въ первыхъ изъ нихъ

вмѣстѣ съ военнымъ занятіемъ явились и ученые экспедиціи, и едва Европа успѣла узнать, что Амуръ принадлежитъ Россіи, какъ въ печати уже появились труды о флорѣ и фаунѣ его... Впечатлѣніе, въ особенности въ Англіи, было глубокое: труды эти были толчкомъ для изданія правительствомъ цѣлаго ряда описаній колониальныхъ флоръ. Еще болѣе глубокимъ уваженіемъ встрѣчены геройскіе подвиги Н. М. Пржевальскаго. Въ письмѣ сэра Джозефа Д. Гукера, знаменитаго путешественника, изслѣдовавшаго между прочимъ и Гималаи, до рубежа Тибета, письмѣ, написанномъ по поводу весьма заинтересовавшей его вышеупомянутой статьи о флорѣ Монголіи и Тибета, онъ выразился о Пржевальскомъ, какъ едва-ли не о первомъ научномъ путешественникѣ нашего времени, соединяющемъ военную отвагу съ многостороннею научною подготовкою и немовѣрнымъ трудолюбіемъ. Ливингстонъ и Стэнли, пишетъ онъ, были отважными піонерами, но только сумѣли проложить на картѣ пройденные ими пути, для изученія же природы не сдѣлали ничего. Послѣ заслуженнаго Барта нужно даже было послать другого путешественника, чтобы проложить на картѣ маршруты его. Только Пржевальскій, заключаетъ онъ, соединялъ въ своемъ лицѣ отважнѣйшаго путешественника съ географомъ и натуралистомъ.

Научныя заслуги Н. М. Пржевальскаго всегда находили лестную оцѣнку и съ высоты престола.

По волѣ монарха, двадцатаго октября 1892 года бюстъ Пржевальскаго былъ законченъ сооруженіемъ и открытъ въ Александровскомъ саду, въ Петербургѣ.

Нѣсколько повдиге былъ поставленъ величественный памятникъ и у могилы Пржевальскаго, на высокомъ берегу Иссык-Куля. Иссыкульскій памятникъ изображаетъ скалу, сложенную изъ большихъ глыбъ Тяньшанскаго гранита. На вершинѣ скалы большой бронзовый орелъ. Подъ когтями орла карта Азіи, на бронзовомъ листѣ, съ нанесеніемъ маршрутовъ путешественника; въ клювѣ орла оливковая вѣтвь—эмблема мирныхъ завоеваній науки...

Городъ Караколъ былъ переименованъ въ Пржевальскъ.

Памяти Пржевальскаго посвящено нѣсколько біографій, изъ которыхъ наиболѣе полная составлена академикомъ Н. Ѳ. Дубровинымъ и такъ прекрасно издана другомъ Пржевальскаго—генераломъ Ф. А. Фельдманомъ.

Но рядомъ съ такими оцѣнками, которыми единодушно удостоивали заслуги Н. М. Пржевальскаго вся Россія, съ ея

вѣнценосными вождями во главѣ, и всѣ ученыя учрежденія Западной Европы, слышались иногда и нѣкоторыя критическія замѣчанія о его дѣятельности.

Упрекали Н. М. Пржевальскаго въ пренебреженіи не только къ китайской администраціи, но и къ китайской цивилизаціи и ко всей китайской исторической и географической литературѣ. Собственно пренебреженіе Пржевальскій выказывалъ, и выказывалъ совершенно основательно, только къ существовавшимъ тогда китайскимъ административнымъ порядкамъ и къ боевымъ силамъ Серединной Имперіи, особливо въ Застѣнномъ Китаѣ, гдѣ китайскіе администраторы съ одной стороны коварно создавали русскимъ путешественникамъ всякія препятствія и затрудненія, а съ другой—опасались ихъ главнымъ образомъ потому, что нравственная сила русскихъ заключалась въ ихъ обходительности и гуманности по отношенію къ туземцамъ и въ ненависти сихъ послѣднихъ къ китайцамъ. При такихъ условіяхъ Н. М. Пржевальскій указывалъ на совершенное безсиліе Китая въ застѣнныхъ его владѣніяхъ и на полнѣйшую безопасность всей нашей пограничной линіи съ Китаемъ, самой длинной изъ междугосударственныхъ границъ земного шара. Горячіе споры, которые возбуждались тогда противъ такого мнѣнія, категорически высказываемаго Пржевальскимъ, въ свое время разрѣшены событіями Японо-Китайской войны и такъ называемымъ боксерскимъ возстаніемъ въ Китаѣ безусловно въ пользу безошибочности взглядовъ Пржевальскаго; къ исторіи же Китая и его древней цивилизаціи пренебреженія Пржевальскій никогда не имѣлъ. Китайскія географическія сочиненія мало интересовали Пржевальскаго, потому что, будучи по преимуществу изслѣдователемъ природы, умѣющимъ смѣло и свободно читать во время своихъ отважныхъ странствованій открытыя только для естествоиспытателей страницы книги природы, мало интересовался чтеніемъ такихъ авторовъ, для которыхъ не только эта книга была закрыта, но и самая ея азбука непонятна. Послѣдствіемъ этого было, конечно то, что Пржевальскій, будучи мало знакомъ съ единственною до него географическою литературою о посѣщенныхъ имъ странахъ—китайскою—мало обращалъ вниманія на китайскія и вообще туземныя названія урочищъ и въ особенности горъ и озеръ и давалъ имъ собственныя названія. Но и въ этомъ отношеніи упрекъ, дѣлаемый Пржевальскому, едва-ли безусловно справедливъ. Вездѣ, гдѣ онъ имѣлъ случай узнать туземныя названія, онъ ихъ исключительно и придерживался;

когда же онъ шелъ безъ проводниковъ въ безлюдныхъ пустыняхъ, то по праву перваго изслѣдователя онъ давалъ урочищамъ свои названія, которыя нерѣдко попадали и на предметы, уже издавна имѣвшіе свои опредѣленные туземныя названія. Но развѣ не такъ же поступали и другіе путешественники и развѣ гора Эверестъ и озеро Викторія не имѣли туземныхъ наименованій?.. Подобная синонимія, мнѣ кажется, не приноситъ никакого вреда.

Двадцатаго октября 1913 года минуло двадцать пять лѣтъ со дня смерти незабвеннаго Пржевальскаго. Незадолго передъ тѣмъ Петербургъ командировалъ меня на могилу славнаго русскаго путешественника.

Императорское Русское Географическое Общество, Императорская Академія Наукъ, Императорскій Ботаническій Садъ Петра Великаго, Генеральный Штабъ и прочія просвѣтительныя учрежденія, гордившіяся славою Пржевальскаго, объединились мыслью воздать должное свѣтлой памяти покойнаго изслѣдователя Центральной Азіи. Каждое изъ этихъ ученыхъ учрежденій поручило мнѣ въ юбилейный день возложить на могилу Пржевальскаго свой серебряный вѣнокъ съ соответствующей надписью.

Восемнадцатаго сентября я оставилъ Петербургъ.

Оренбургская желѣзная дорога приблизила сердце русской Средней Азіи къ родной столицѣ. Вѣдь только четверо съ половиной сутокъ—и вы въ резиденціи туркестанскаго генералъ-губернатора. Подобно Закаспійской желѣзной дорогѣ, Оренбургская—созданіе смѣлое, съ огромнымъ значеніемъ не только въ будущемъ, но даже и въ настоящемъ, и въ своемъ цѣломъ заслуживаетъ больше похвалы и удивленія, чѣмъ порицанія и нападокъ.

Переѣздъ отъ Оренбурга, среди оренбургскихъ степей, живо напомнившихъ мнѣ таврическія степи, полонъ глубокаго интереса. Равнинныя оренбургскія степи и кочевое населеніе постепенно смѣняются пустыней сначала солончаковой, потомъ песчаной, съ характерными представителями растительнаго царства: саксаудомъ, тамарискомъ, хармыкомъ и другими. На горизонтѣ играетъ миражъ. Тамъ и сямъ проносятся пустынные больдуруки (*Syngnartes paradoxus*). Сыръ-Дарья мало оживляетъ монотонность страны, въ особенности тамъ, гдѣ она протекаетъ въ высокихъ обрывистыхъ берегахъ... Зато въ ея

низинахъ, гдѣ на безконечное пространство потянулись заросли камыша, съ ярко-синими площадями озерожъ, все живетъ и движется. Безчисленныя стаи разнообразныхъ утокъ плаваютъ и перелетаютъ, нисколько не страшась поѣзда. Въ самыхъ укромныхъ уголкахъ одинокія сѣрыя цапли и выпи неподвижно стоятъ надъ болотинами и внимательно смотрятъ въ воду. Поѣздъ мчится мимо, и разнообразныя картины быстро смѣняются одна другою.

Туркестанъ—великолѣпный край: бирюзовое небо, яркое солнце и въ осеннее время средне-россійскій лѣтній воздухъ. Въ сердцѣ страны, Ташкентѣ, жизнь бьетъ ключемъ; городъ растетъ и развивается...

Въ мой пріѣздъ, въ Ташкентѣ состоялось соединенное засѣданіе туркестанскаго отдѣла Географическаго Общества и кружка любителей археологін. Залъ городской думы былъ переполненъ. Открывъ засѣданіе, предсѣдатель Географическаго Общества А. С. Галкинъ сказалъ пріѣзственному слову и предложилъ мнѣ познакомить собраніе съ результатами моей Монголо-Сычуанской экспедиціи и съ цѣлью настоящей поѣздки на Иссыкъ-куль...

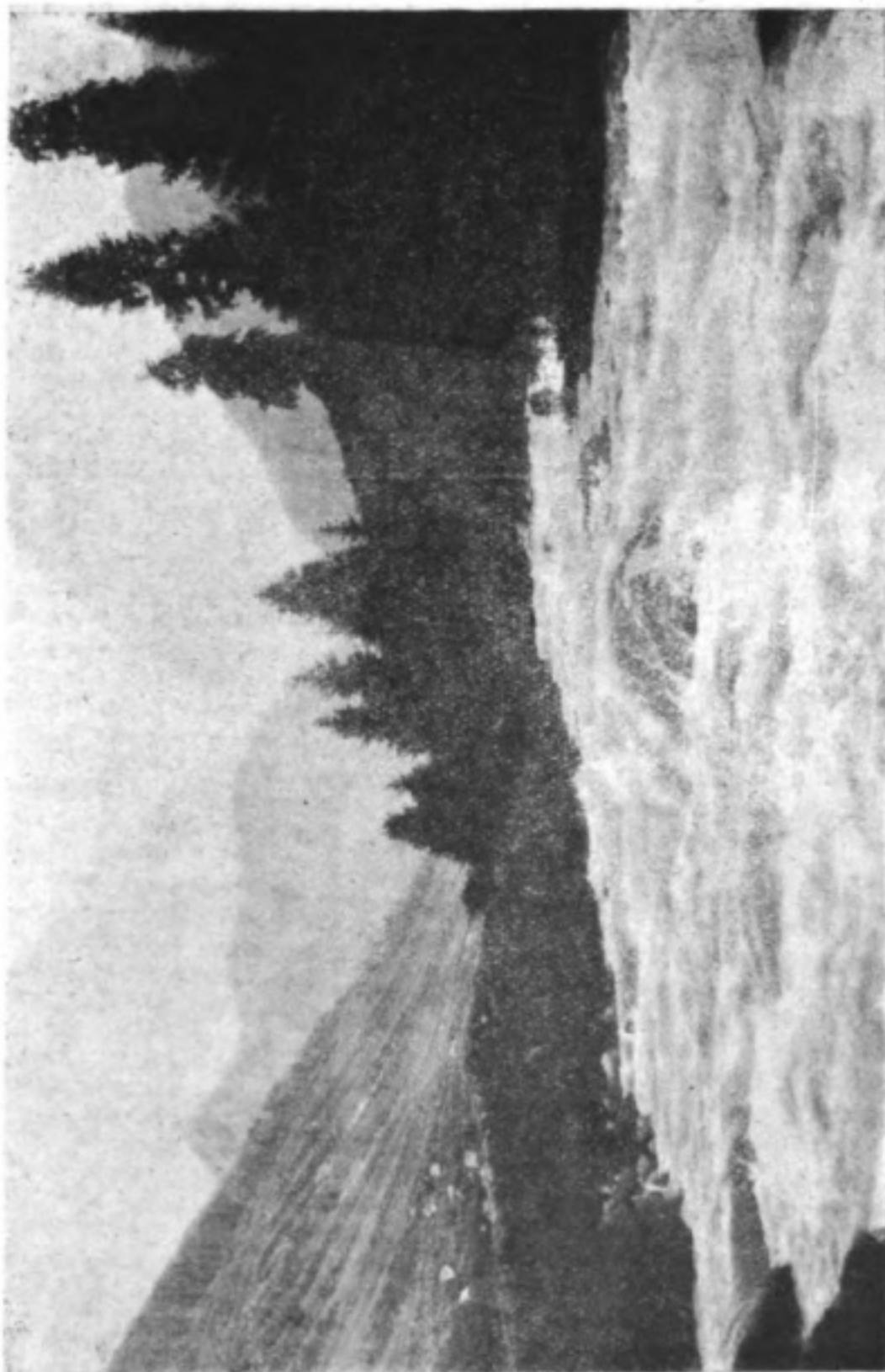
...Въ осеннее время переѣздъ на Иссыкъ-куль носилъ характеръ пріятной прогулки. Каждый день приближалъ къ завѣтной цѣли; особеннымъ образомъ сжалось сердце при видѣ грандіознѣйшей картины природы Центральной Азіи, при вѣздѣ въ дикое каменистое ущелье „Буамъ“, выведшее путника въ обширную, сказочно-красивую и пріѣзливую долину Иссыкъ-куля.

Погасли сумерки... Спустилась на землю ночь, когда мы приблизились къ западной окраинѣ озера. Среди облаковъ проскальзывала луна, картинно разливавшая свой таинственный свѣтъ по поверхности водъ и по далекой снѣговой цѣпи Тянь-Шаня.

Въ воздухѣ стояла торжественная убаюкивающая тишина. Волны шептались съ берегомъ... До насъ долетали звуки многочисленныхъ утокъ, гусей и рѣдкіе крики священныхъ бѣлоснѣжныхъ лебедей... Отъ обаянія ласки природы, я невольно какъ-то вадрагивалъ, мнѣ живо чувствовалось, живо представлялось, какъ тѣ же волны на восточномъ берегу шепчутся съ подножьемъ дорогой для всѣхъ и святой для меня могилы Пржевальскаго.

Мы ѣхали быстро, но мысль еще быстрѣе насъ неслась къ изголовью усопшаго. Образъ Пржевальскаго воскресалъ все ярче и ярче.

Какъ при самой первой встрѣчѣ моей въ моемъ юномъ возрастѣ, такъ и теперь,—я сталъ видѣть живой образъ великаго учителя. Предо мной живо встала его величественная фигура, весь онъ; я увидѣлъ его красивую орлиную голову,

Каракольское ущелье.

увидѣлъ его оригинальныя движенія. Какъ прежде, такъ и теперь онъ не походилъ на остальныхъ людей и какъ прежде глубокимъ взглядомъ строгихъ и красивыхъ голубыхъ глазъ,—казалось, проникалъ въ самую душу...

Въ такихъ мечтахъ и грезахъ утромъ шестого октября мы

прибыли въ городъ Пржевальскъ и уютно расположились въ любезно приготовленной намъ представителями города квартирѣ...

Симпатичный городокъ Пржевальскъ расположенъ у подножья величественнаго Тянь-Шаня, съ одной стороны, и въ со-

Джеттогузское ущелье (вверхъ отъ ключей).

сѣдствѣ прекраснаго незамерзающаго бассейна Песыкъ-куля—съ другой. Будучи поднятъ на 5.400 футовъ надъ моремъ, Пржевальскъ питается холодными прозрачными водами рѣчки „Караколь“ („Черная рука“), берущей начало въ каракольскихъ ледникахъ и впадающей въ двѣнадцати верстахъ ниже города, въ

восточный заливъ Иссыкъ-куля... Названіе рѣчки было присвоено и городу, насчитывающему до 14.000 жителей, изъ которыхъ большая половина русскихъ и меньшая—туземцевъ: сартовъ и дунганъ.

Къ числу выдающихся особенностей Пржевальска, его духовной жизни, слѣдуетъ отнести то отрадное обстоятельство, что этотъ городъ при годовомъ бюджетѣ въ шестьдесятъ тысячъ рублей тратитъ на народное образованіе половину. Я не могу назвать другого такого города на всемъ пространствѣ нашего обширнаго отечества... И этому городу суждено носить имя одного изъ славныхъ, доблестныхъ сыновъ Россіи... Имя, которое довольно произнести, чтобы возбудить въ слушателяхъ представленіе о чемъ-то великомъ, и общезвѣстномъ...

Если Оренбургская желѣзная дорога оживила Туркестанъ и приблизила его къ сердцу Россіи, то вновь строящійся рельсовый путь на Вѣрный и Джаркентъ оживитъ и приблизитъ къ столицамъ все Семирѣчье, и въ частности Пржевальскъ, съ его чудными, болѣе поэтическими, нежели Швейцарія, картинами природы... Чтобы убѣдиться въ дѣйствительности сказаннаго о красотахъ природы, стоитъ лишь взглянуть на фотографическіе снимки, хотя бы съ двухъ прилежащихъ къ городу Пржевальску ущелій Тянь-Шаня—Каракольскаго и Джетыгогузскаго, расположенныхъ отъ востока къ западу.

Каждое изъ этихъ ущелій имѣетъ свою прелесть, каждое богато растительной и животной жизнью и каждое создаетъ своеобразную красоту и оживленіе вѣчнымъ шумомъ водъ, стремительно, иногда даже каскадами низвергающихся по камнямъ и разбрасывающихъ свои жемчужные брызги далеко по сторонамъ.

Джетыгогузское ущелье кромѣ того славится своими горячими цѣлебными источниками.

Въ эти ущелья съ началомъ лѣта нѣкоторые обитатели Пржевальска переселяются словно номады и положительно благодушествуютъ до осени, хотя большинство зажиточныхъ пржевальцевъ по-прежнему устраивается на дачахъ, расположенныхъ по красивому восточному берегу Иссыкъ-куля, у подножья памятника Н. М. Пржевальскаго. Иссыкъ-куль очень соблазнителенъ своимъ превосходнымъ купаньемъ...

Въ заключеніе замѣтки о Пржевальскѣ скажемъ нѣсколько словъ о дунганахъ—китайскихъ мусульманахъ...

Дунгане переселились изъ Китая въ Россію, въ Семирѣчье и приняли русское подданство въ 1877-мъ году, послѣ бурной и отчаянной борьбы съ угнетавшимъ ихъ китайскимъ владычествомъ. Предводителемъ и вожакомъ дунганъ явился смѣлый, энергичный съ желѣзной волей человѣкъ, по имени Би-ян-хо, который до самыхъ послѣднихъ дней своей жизни властно управлялъ всѣмъ новымъ, только что создавшимся селеніемъ Каракунузъ. Это послѣднее расположено въ восьми верстахъ къ сѣверу отъ Токмака, въ горахъ.

По одеждѣ своей дунгане напоминаютъ китайцевъ, и только за послѣднія десять-пятнадцать лѣтъ покрой ихъ платья началъ измѣняться и походитъ на одежду сартовъ. Женскій костюмъ, правда, пока еще не утратилъ своей самобытности...

Жилищемъ дунганъ служатъ китайскія фанзы, обыкновенно обсаженные ветлами, тополями или карагачами; вблизи дома можно зачастую встрѣтить очень порядочный огородъ, гдѣ разводятся по преимуществу картофель и капуста, и фруктовый садъ изъ персиковыхъ деревьевъ. Главное занятіе дунганъ—хлѣбопашество (сѣютъ пшеницу), слабымъ подспорьемъ котораго служатъ мелкая торговля и извозъ. Необходимо отмѣтить, что дунгане, вообще говоря, очень трудолюбивый народъ, которому легко дается всякая работа; если къ этимъ качествамъ прибавить еще полное отсутствіе пьянства, то станетъ понятнымъ, почему среди нихъ почти совершенно нѣтъ нищихъ.

Дунгане исповѣдуютъ магометанскую религію, но, несмотря на это, они имѣютъ, обыкновенно, одну жену, которая и является хозяйкой въ домѣ. Брачнымъ возрастомъ у дунганъ считается—для парней восемнадцать лѣтъ, а для дѣвушекъ, которыхъ уже съ четырнадцати лѣтъ держатъ взаперти, четырнадцать, пятнадцать. Сватовство и свадебный обрядъ совершается у нихъ слѣдующимъ образомъ: въ назначенный день молодой человѣкъ отправляетъ къ родителямъ дѣвушки, которую онъ желаетъ посватать, отъ двухъ до четырехъ человѣкъ своихъ близкихъ друзей, среди которыхъ должна быть непременно хоть одна женщина, могущая высмотрѣть невесту. Посланные направляются въ намѣченный домъ, и, послѣ обычнаго привѣтствія, заключающагося у дунганъ, какъ и у китайцевъ, въ вопросъ: „принималъ ли пицу“?, и незначительныхъ разговоровъ, приступаютъ къ дѣлу. Если родители дѣвушки изъявляютъ согласіе, то сваты являются уже на слѣдующій день въ сопровожденіи муллы (священника) и, послѣ короткой молитвы, передаютъ невестѣ подарки—серьги и платокъ. Тутъ же назначается

день для уплаты калыма. Калымъ состоитъ изъ двухъ большихъ ямбъ (слитковъ) серебра—около 200 рублей на наши деньги, идущихъ въ пользу родителей дѣвушки, и различныхъ украшеній самой молодой. Обычно женихъ даритъ ей браслетъ, булавки, серебряные цвѣты для украшенія волосъ, маленькое зеркальце, съ шелковыми разноцвѣтными кистями на серебряной шейной цѣпочкѣ, шерстяныя и шелковыя матеріи, полный женскій костюмъ и, наконецъ, отъ восьми до двѣнадцати барановъ, съ окрашенными фуксиномъ спинами. Въ тотъ же день родители невесты передаютъ сватамъ отъ ея имени подарки жениху—кольцо, чалму, халатъ, рубаху, штаны, башмаки съ чулками, жареную курицу, прикрытую бумажнымъ колпакомъ въ формѣ пѣтуха и двадцать хлѣбовъ.

Въ день свадьбы женихъ, котораго всегда можно отличить по яркой цвѣтной перевязи, идущей крестъ на крестъ по груди, со сверстниками подъѣзжаетъ къ дому невесты и осторожно останавливается по-одадь, изъ страха, чтобы знакомые и родные дѣвушки не сдернули его съ лошади или, вообще, не посмѣялись надъ нимъ. Въ это время у невесты уже всѣ въ сборѣ—гостей иногда бываетъ до ста человѣкъ— гости сидятъ передъ накрытыми столами. Какъ только подадутъ первое кушанье, женихъ входитъ въ фанзу и, приближаясь по очереди къ каждому столу, дѣлаетъ глубокій поклонъ, послѣ чего уѣзжаетъ къ себѣ домой. Товарищи молодого парня остаются до окончанія обѣда, когда приглашаютъ всѣхъ гостей переночевать въ домъ жениха. Поѣздъ, по обычаю, должна открывать невеста, которую везутъ въ сопровожденіи какой-нибудь родственницы-старушки, въ особой крытой повозкѣ, убранной красной матеріей. Невѣсту выходятъ встрѣчать двѣ женщины и одинъ мужчина— родственникъ молодого, который и вноситъ ее на рукахъ въ особую саклю, гдѣ ея дѣвичью косу причесываютъ уже по-женски. Послѣ длинной правоучительной рѣчи муллы, которую онъ произноситъ громко, такъ чтобы ее могла слышать молодая, начинается обѣдъ, во время котораго невеста, уже одѣтая по-женски, выходитъ къ гостямъ и молчаливымъ движеніемъ руки благодаритъ всѣхъ присутствующихъ за вниманіе. Вечеромъ того же дня снова собираются друзья и знакомые, которые стараются различными шутками и прибаутками сблизить молодыхъ. Около девяти—десяти часовъ всѣ расходятся, и новобрачные остаются одни.

Послѣ мѣсячнаго сожителства жена возвращается къ своимъ родителямъ и живетъ у нихъ въ теченіе цѣлаго мѣсяца;

то же повторяется и через годъ, послѣ чего супруги уже никогда не разлучаются.

При рожденіи ребенка, по обыкновенію, присутствуетъ опытная женщина, которая и обмываетъ его теплой водой, а затѣмъ

Дунганская свадьба. Подарки во дворъ жениха. Рѣчь муллы къ свадебнымъ гостямъ. Наставл. въ будуще жизни и пожел. благополучія.

его некупаютъ больше до тѣхъ поръ, пока онъ самъ не будетъ въ состояніи умыться.

Имя ребенку дается муллою въ самый день рожденія, такъ какъ, по обычаю, дитя, не имѣющее имени, не можетъ быть кормлено грудью.

На десятый день, въ домъ, гдѣ совершилось событіе, приходятъ гости съ поздравленіями и подарками. Послѣ сытнаго обѣда всѣ немедленно удаляются, такъ какъ этикетъ не позволяетъ въ этотъ день лишняго сидѣнія.

Мальчикамъ, въ возрастѣ отъ десяти—двѣнадцати лѣтъ, торжественно дѣлается обрѣзаніе, въ присутствіи многочисленныхъ приглашенныхъ.

Женщина-дунганка играетъ въ семьѣ не послѣднюю роль; кромѣ шитья платья и обуви и заботъ по кухнѣ, на обязанности ея лежитъ еще попеченіе о дѣтяхъ, которыя относятся къ матери съ большимъ уваженіемъ и любовью. Мужъ всегда уважаетъ жену, и въ ихъ отношеніяхъ не замѣтно и тѣни того пренебреженія, которое мы видимъ среди киргизъ.

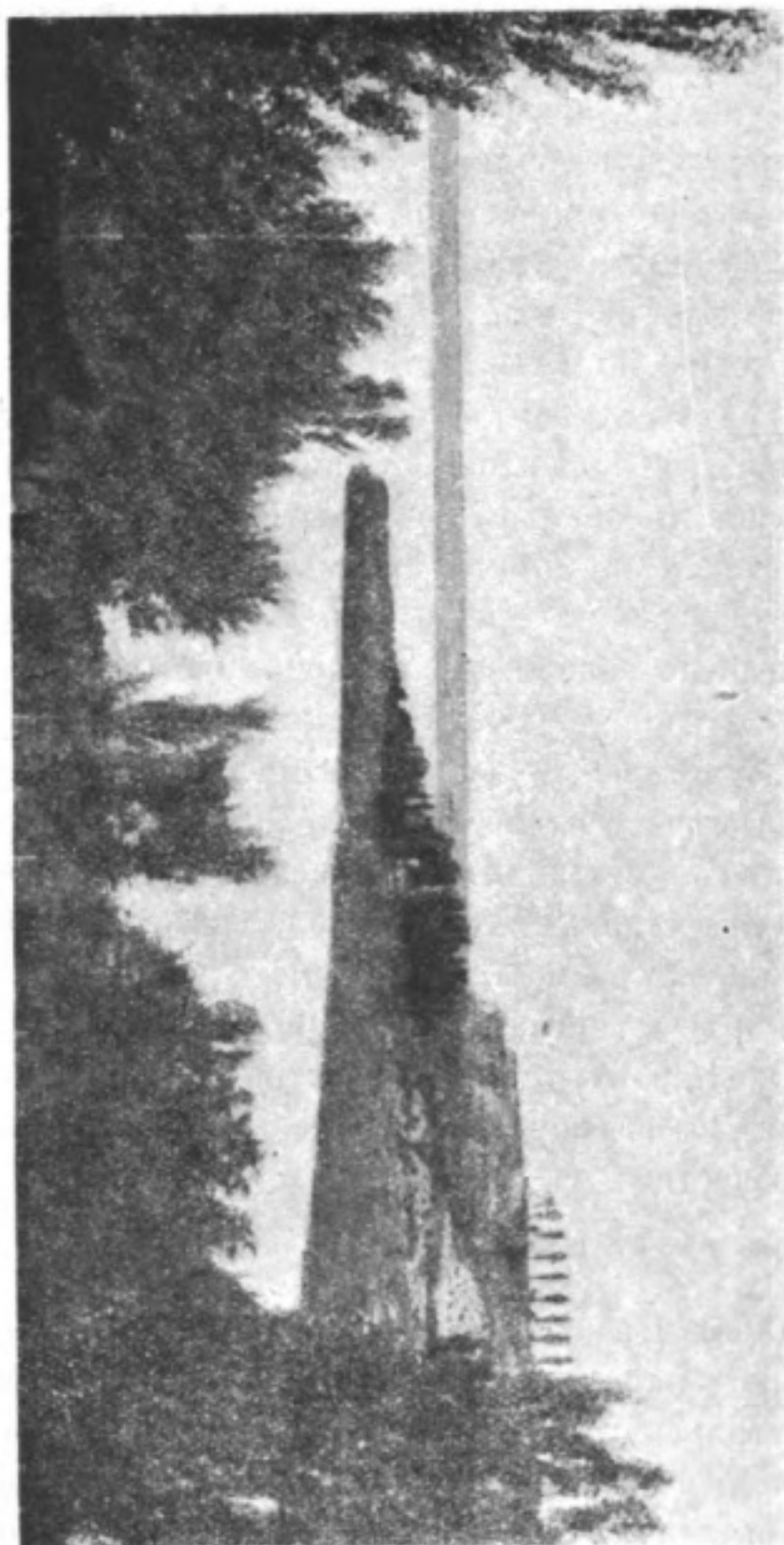
Разводы среди дунганъ — явленіе крайне рѣдкое. Женщина старается не показываться никому изъ постороннихъ мужчинъ и, если въ ея домъ собираются гости, она удаляется въ особую саклю, куда могутъ проникнуть только ея пріятельницы.

Дунгане, вообще говоря, люди очень нравственные, строгіе, трудолюбивые и порядочные во всѣхъ или почти во всѣхъ отношеніяхъ. Умственные способности ихъ довольно высоки, что особенно замѣчается среди дѣтей, которыхъ родители непременно отдають въ школы. Не довольствуясь грамотою, которой ихъ учать муллы, дѣти продолжаютъ свое образованіе въ русскихъ школахъ, и при умѣломъ преподаваніи, каково было, напримѣръ, преподаваніе В. Ф. Ладыгина въ дунганскомъ селеніи Каракунузъ (до участія его въ экспедиціяхъ Императорскаго Географическаго Общества) выказываютъ недюжинныя способности.

По пріѣздѣ въ Пржевальскъ больше нежели прежде, всѣ наши мысли, всѣ наши желанія были направлены къ дорогой могилѣ Пржевальскаго. Черезъ часъ-другой мы подъѣзжали къ ней... Знакомыя мѣста, знакомая дорога, но новый для меня тополевыи паркъ шумитъ своею не совсѣмъ опавшею листвою. Въ аллеѣ мелькнулъ красивый мавзолей. Сердце до боли сжалось. Еще нѣсколько минутъ, и я у могилы, у изголовья дорогого Николая Михайловича... Припавъ къ намогильной гранитной плитѣ, я чувствовалъ живое сильное общеніе съ духомъ великаго учителя... Опять образъ Пржевальскаго воскресалъ все ярче и ярче...

Съ первыхъ лѣтъ знакомства и дружбы съ Н. М. Пржевальскимъ, я уже проникся сознаниемъ, что человекъ въ тѣсномъ общеніи съ природой дѣлается лучшимъ. Своимъ обаяніемъ природа захватываетъ человека и дольше сохраняетъ въ

Видъ отъ памятника на дачу Н. П. Королькова.

немъ чистоту, цѣльность и чуткость души. Среди природы человекъ легче дышетъ, шире мыслить, глубже чувствуетъ, чище любитъ. Николай Михайловичъ особенно любилъ и особенно понималъ душу природы и ея волшебную красоту. Въ городахъ онъ былъ нервнымъ, раздражительнымъ и на города

смотрѣлъ, какъ на раззолоченныя клѣтки; среди же природы Пржевальскій всегда былъ нѣжный и обаятельный.

Среди той же природы азіатскихъ горъ особенно восторгалась чуткая душа Пржевальскаго. Онъ говорилъ, словно пѣлъ гимнъ природѣ. „Сколько разъ я былъ счастливъ, сидя одиноко на высокихъ горныхъ вершинахъ! Сколько разъ я завидовалъ пролетавшему мимо меня грифу, который можетъ подняться еще выше и созерцать панорамы еще болѣе величественныя. Лучшимъ дѣлается человекъ въ такія минуты. Слово поднявшись въ высь, онъ отрѣшается отъ своихъ мелкихъ мысловъ и страстей. Могу сказать, кто не бывалъ въ высокихъ горахъ, тотъ не знаетъ грандіозныхъ картинъ природы“...

И природа или судьба подслушала этотъ признательный гимнъ Пржевальскаго, поняла его желаніе: онъ, горячо любившій природу, спитъ въ ея дѣвственныхъ объятіяхъ на высокомъ берегу Иссыкъ-Куля, въ предѣлахъ вѣчно манившей его Нагорной Азіи... Обѣ цѣпи Тянь-Шаня, покрытыя снѣгомъ, блестятъ и искрятся на солнцѣ какъ въ серебрѣ. Между цѣпами горъ широко разстилается изумрудная поверхность прелестнаго незамерзающаго бассейна...

Пріѣхавъ въ Пржевальскъ за двѣ недѣли до вѣчно памятнаго *двадцатаю октября*, мы имѣли возможность часто бывать у дорогой могилы, у тѣни усопшаго, и любоваться красотами природы не только днемъ, но даже и ночью... любоваться и невольно чувствовать могучій духъ незабвеннаго Пржевальскаго...

Знаменательный день 25-лѣтней годовщины смерти Николая Михайловича собралъ къ дорогой Россіи могилѣ почти весь Пржевальскъ, все русское и инородческое населеніе: у могилы и памятника стояло много народу, стоялъ и я—его ученикъ и послѣдователь. Какъ въ день похоронъ, такъ и въ день двадцатаго октября въ голубомъ прозрачномъ небѣ красиво скользило яркое солнце, Тянь-Шань отливалъ блескомъ снѣговъ, Иссыкъ-куль темной синевою, а надъ нами парилъ царственный грифъ-монахъ...

За торжественной панихидой у могилы усопшаго послѣдовалъ парадъ 2-го баталіона 2-го Туркестанскаго стрѣлковаго полка ¹⁾... Среди гробовой тишины и величія окружающей при-

¹⁾ Доблестный командиръ котораго, подполковникъ М. А. Болотовъ, былъ въ то же время и начальникомъ гарнизона города Пржевальска.

роды особенно трогательны для души были звуки „Коль славень“...

Могила и памятникъ горды величіемъ. Намогильная плита убралась вѣнками. Какъ бронзовый орелъ, вѣнчающій памятникъ и сторожащій безцѣнный прахъ героя-путешественника—Пржевальскій леталъ за грань русской земли, за хребты и пустыни и всякій разъ возвращался съ богатой добычей. Онъ зналъ, что надо изучать, онъ зналъ, что надо взять для обогащенія отечественныхъ музеевъ и какъ орелъ на своихъ могучихъ крыльяхъ, приносилъ родинѣ богатства и славу. Своими полетами въ Центральную Азію Пржевальскій увлекался и увлекалъ другихъ ему сопутствовавшихъ юныхъ птенцовъ, которыхъ онъ воспитывалъ, училъ и натаскивалъ на самостоятельный путь. Четыре великихъ полета совершилъ Н. М. Пржевальскій, на пятомъ — злокачественный недугъ остановилъ его.

Какъ орелъ, Пржевальскій приспустилъ крылья и сказалъ:— „Теперь я лягу, но лягу здѣсь, на стражѣ русской земли у порога дорогой родины, у сянго простора озера, у подножья Небснаго хребта. А вы, мои птенцы, доканчивайте начатое мною святое дѣло“! Тѣсной дружбой и горячей любовью къ своимъ ученикамъ-спутникамъ Н. М. Пржевальскій привилъ къ нимъ безсмертіе его идеи, и дѣйствительно мы можемъ сказать: „Умеръ Пржевальскій, но безсмертна его идея“!

Николай Михайловичъ скончался на порогѣ пятого путешествія; какъ бы предчувствуя свой конецъ, онъ помѣстилъ въ послѣдней своей книгѣ, кромѣ инструкціи, какъ путешествовать въ Центральной Азіи, еще и перечисленіе задачъ, подлежащихъ исполненію для болѣе основательнаго изученія пройденныхъ имъ странъ,—скромно называя свои труды научными рекогносцировками...

Исполнимъ же послѣднее завѣщаніе его! Найдемъ въ нашей географической средѣ отважныхъ и знающихъ путешественниковъ, готовыхъ закрѣпить за нами научное завоеваніе Центральной Азіи.

П. Козловъ.

